

ПУСТОТНЫМ ВОЛК

18+

Алексей Фирсов
Пустотный волк

«Автор»

2026

Фирсов А.

Пустотный волк / А. Фирсов — «Автор», 2026

Гумберт ван Вейден, изнеженный архивариус Администратума и знаток древней поэзии, теряет всё, когда его роскошный клипер гибнет на орбитальном кладбище кораблей. Вместо спасателей его спасательную капсулу подбирает «Призрак» — судно нелегальных мародеров-стервятников, которые потрошат мертвые дредноуты и ксено-лом ради наживы. Фанфик на миры Вархаммер 40000.

© Фирсов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Пустотный волк

Глава

Глава 1

Глава 1: Пассажир с нежными руками

В Империи Человечества триллионы жизней. Моя стоила дороже большинства. По крайней мере, я так привык думать.

Меня зовут Гумберт ван Вейлен. Я архивариус Администратума терциус-ранга, специалист по изящной словесности Тёмной Эры Технологий, и у меня очень нежные руки. Я никогда не держал ничего тяжелее инфо-планшета из полированного обсидиана. Моя жизнь представляла собой идеальный, отлаженный механизм: симфония чернил, пергамента и прохладного воздуха в библиотеках Сектора Каликсида.

В тот день я летел на рейсовом клипере «*Святая Друзилла*». Первый класс. Гравитационные кресла, обитые терранским бархатом. В бокале плескался амасек столетней выдержки, который стоил больше, чем годовой рацион ульевого рабочего. Я лениво листал сборник проповедей леди Мод Бюстер — её метафоры о божественном свете Императора всегда действовали на меня успокаивающе.

Вокруг меня сидели сливки общества: распухший от синтетических деликатесов планетарный губернатор, чей-то бледный наследник с аугментированной борзой на поводке, и пара кардиналов Министрума, тихо деливших десятину. Мы были изолированы от грязной, холодной Вселенной толстой шкурой пустотных щитов и адамантовой брони. Мы были в безопасности. Мы были венцом эволюции.

Какая чушь.

«*Святая Друзилла*» вынырнула из Имматериума с грацией подстреленного грокса. Нас выплюнуло в реальное пространство на три недели раньше срока, прямо посреди системы, которой не было в моем маршрутном листе.

Вместо чистого вакуума и света маяков нас встретило кладбище.

Я посмотрел в обзорный иллюминатор. Там, в ледяной пустоте, медленно вращались остовы исполинских кораблей. Распоротые животы крейсеров, переломанные хребты фрегат-тов, рой мелких обломков, застывших в безвоздушном пространстве. Орбитальная бойня. Судя по характерным рубленным ранам на броне имперских судов, здесь недавно прошла банда орков. А может, пираты. Или еретики. В пустоте не имеет значения, кто тебя убил. Имеет значение только то, что ты мёртв.

По кораблю разнесся вой сирен. Красный аварийный свет залил салон первого класса, превратив бархат в цвет запекшейся крови.

— Спокойствие! — взвизгнул один из кардиналов, роняя бокал. — Император защищает!

Император, возможно, и защищает, но вот капитан клипера оказался идиотом. Вместо того чтобы дать задний ход, он попытался прорваться сквозь поле обломков.

Монтаж. Секунда первая. Радары слепы из-за радиоактивного фона остовов. *Секунда вторая.* Впереди по курсу дрейфует плазменная макро-мина размером с собор. Она осталась здесь после битвы. Тихая, забытая, смертоносная. *Секунда третья.* Мы влетаем прямо в неё.

Взрыв не имеет звука в космосе, но внутри корабля это был оглушительный рёв взбесившегося бога. Пол ушел у меня из-под ног. Грави-компенсаторы сдохли мгновенно. Меня швырнуло в потолок с такой силой, что из легких выбило весь воздух.

Знаете, что самое смешное в разгерметизации? К ней невозможно подготовиться. Никакие молитвы не удержат кислород в отсеке, когда внешняя обшивка вскрыта, как консервная банка.

Иллюминатор разлетелся в пыль. Вакуум жадно всосал в себя всё, что не было прикручено к палубе. Кардинала, вопившего о защите Императора, вытянуло в брешь первым. Его

лицо лопнуло, как перезрелый плод, прежде чем он исчез во тьме. Губернатор застрял в проходе, его толстое тело стало живой пробкой, из которой фонтаном хлестала кипящая кровь.

Первобытный, животный ужас парализовал мой изоциренный разум. Изящная словесность Тёмной Эры Технологий? Мод Бюстер? Всё это сгорело в одно мгновение. Остался только скулящий, цепляющийся за жизнь кусок мяса.

Мои руки — мои нежные, холёные руки — вцепились в переборку, сдирая ногти до мяса. Я полз по искажённому коридору, пока воздух стремительно покидал отсек. В ушах звенело, перед глазами плясали черные пятна. Я задыхался. Температура падала до абсолютного нуля.

Впереди мигал зелёный люк спасательной капсулы. Возле него бился повреждённый сервитор-стюард. Его искрящая логическая цепь заклинила, и он монотонно повторял: — *Пожалуйста, предъявите... ваш билет... Пожалуйста, предъявите...*

Я не стал искать билет. Я схватил тяжёлый бронзовый огнетушитель, дрейфующий в невесомости, и с первобытным воплем размозжил киборгу половину черепа. Это было мое первое убийство. Я не почувствовал ни вины, ни сожаления. Я просто отшвырнул искрящее тело, ввалился в тесный металлический гроб капсулы и ударил кулаком по панели аварийного отстрела.

Пиропатроны сработали с глухим хлопком.

Капсулу выплюнуло из умирающего клипера. Меня вмяло в амортизационное кресло. Я судорожно хватал ртом спертый, пахнувший синтетикой и страхом воздух, пока экраны внешнего обзора транслировали последние секунды *«Святой Друзиллы»*. Корабль переломился пополам, беззвучно изрыгнув в космос пламя, тела и обломки. А затем реактор сдетонировал, ослепив камеры.

Наступила тишина. Абсолютная, давящая тишина пустоты.

Я сидел один в металлическом яйце, дрейфующем среди бескрайнего кладбища мертвых кораблей. Системы связи были мертвы. Двигателей у капсулы не было — только аварийный маяк, слабо пульсирующий в радиоэфире. Я смотрел на свои окровавленные руки с вырванными ногтями, на дрожащие пальцы, которые еще полчаса назад листали древние стихи.

Я понял одну простую, жестокую истину. Вселенная — это не божественный план. Это гигантская, холодная мясорубка. И прямо сейчас я был просто куском плоти, болтающимся среди замороженных металлических костей, в ожидании, пока у меня закончится кислород.

Я, Гумберт ван Вейлен, архивариус терциус-ранга, закрыл лицо руками и истерически, захлеб рассмеялся.

Глава 2

Глава 2: Стервятники

Холод — это не просто отсутствие тепла. В глубоком космосе холод — это живое существо. Он вползает в спасательную капсулу через микротрещины в обшивке, ложится на плечи тяжелым саваном и медленно, со вкусом, высасывает из тебя жизнь.

На шестом часу дрейфа системы жизнеобеспечения издали предсмертный хрип и отключились. Внутреннее освещение сменилось тусклым аварийным мерцанием. Я сидел, прижав колени к подбородку, и смотрел, как на обзорном иллюминаторе нарастает узорчатая корка инея. Дышать становилось всё труднее. Мой гениальный мозг, хранивший террабайты поэзии и трактатов по древней эстетике, теперь был занят лишь одной задачей: как реже делать вдох.

Я начал бредить. Мне казалось, что обломки за бортом танцуют. Что гигантская плазменная катушка разбитого крейсера — это золотой купол Экклезиархии, а вокруг него кружат ангелы.

Потом ангел ударил меня кувалдой по лицу.

Точнее, так мне показалось. Удар был чудовищной силы. Капсулу тряхнуло с таким остервенением, что мои зубы лязгнули, едва не откусив язык. Скрежет металла о металл резанул по ушам. Нас куда-то тащило. Не деликатно, как это делают спасательные челноки Имперского Флота своими магнитными захватами. Нет, меня волокли грубо, словно тушу убитого грокса на бойню.

Грави-гарпун. Дешевый, промышленный, невероятно мощный.

Через иллюминатор я увидел, как мою капсулу затягивает в разверстую пасть огромного, уродливого ангара. Корабль, поймавший меня, был похож на свалку, обретшую способность к варп-прыжкам. Черная, закопченная броня, ошетилившаяся кранами, резаками и турелями. Никаких гордых имперских аквил. Никаких гербов. Только пятна ржавчины и стертая краска.

Капсула с лязгом рухнула на металлическую палубу. Искусственная гравитация корабля впечатала меня в кресло. Я услышал шипение выравниваемого давления, а затем — визг плазменного резака. Кто-то вскрывал мой спасательный кокон снаружи, даже не пытаясь подобрать код доступа.

— Эй, полегче с петлями! — донесся приглушенный, каркающий голос. — Срежете крепления — эту банку потом хрен загонишь барыгам на Порт-Странствии!

Люк с грохотом отлетел в сторону.

Внутри ворвался свет мощных галогеновых ламп и запах. О, Император, этот запах. Смесь машинного масла, жженой проводки, дешевого табака, застарелого пота и гнилого мяса. После стерильного воздуха первого класса это было равносильно удару под дых.

В проеме показались лица. Точнее, рожи.

Если бы мутации и бедность имели лица, они выглядели бы именно так. Один из них, тощий, как жердь, щеголял аугментированным глазом, грубо вбитым прямо в глазницу без анестезии и зафиксированным грязными болтами. Второй был горой мускулов с кожей, серой от недостатка солнца, и татуировками подулья на безгубом лице. Они уставились на меня, как стервятники на кусок теплой падали.

— Матьер Божья, — хрипнул тощий. — Посмотри на эти шмотки, Йохан. Мы выловили аристократа.

— Вытряхивай его, — прогудел Йохан. — А кресло скрути. Там сервоприводы из чистого титана.

Меня грубо схватили за шиворот и вышвырнули из капсулы. Я больно ударился о решетчатый пол. Мой бархатный камзол мгновенно пропитался мазутом. Вокруг возвышались горы

хлама: обгоревшие когитаторы, куски обшивки с чужими эмблемами, ксено-оружие, сваленное в кучу, как металлолом. Это был не корабль. Это был летающий ломбард трупоедов.

— Я... — мой голос дрожал, пересохшее горло саднило. — Я Гумберт ван Вейлен... Администратум Терры... Я требую...

Смех, раздавшийся над ангаром, был похож на скрежет ржавой пилы. Команда расступилась.

Из тени вышел человек.

Он не был ни киборгом-переростком, ни изуродованным мутантом, но от него исходила такая аура первобытной, концентрированной угрозы, что воздух вокруг, казалось, стал плотнее. Ростом чуть выше среднего, с плечами, как у докера, грудной клеткой, в которой могло бы поместиться два сердца, и руками, созданными для того, чтобы ломать шеи. На нем был простой, засаленный комбинезон без знаков различия.

Но поразило меня его лицо. Оно было идеальным в своей жестокости. Резкие скулы, волевой подбородок и глаза — холодные, серые, как зимнее море на забытой богом планете. В этих глазах бился острый, беспощадный интеллект, которому было тесно в этом варварском теле.

— Ты ничего не можешь требовать, ван Вейден, — произнес он. Голос у него был глубокий, ровный, с идеальным произношением Высшего Готика, что совершенно не вязалось с окружающей помойкой. — Здесь не Администратум. И ты сейчас не более чем кусок протоплазмы, чудом избежавший энтропии.

Я попытался встать, опираясь на подрагивающие руки. — Кто вы такой? Вы обязаны доставить меня в ближайший порт Империиума! Моя семья... мои векселя... Я заплачу любую сумму!

Человек подошел ближе. Он двигался с грацией хищника, не троящего ни единого лишнего движения. Он наклонился, поднял двумя пальцами мой идентификационный медальон из пласта, висящий на шее, и легко, без видимых усилий, смял его в комок.

— Я Вольф Ларен. Капитан этого судна — «Призрака». А насчет денег... — он презрительно усмехнулся. — Твои бумажки и векселя сгорят в первом же плазменном пожаре. Здесь, в пустоте, ценность имеет только то, что можно использовать. Ты умеешь чинить макропушки? Нет. Ты умеешь перепрошивать логические цепи? Сомневаюсь.

Он взял меня за подбородок. Его пальцы были твердыми, как феррохрит. — Посмотри на свои руки, Гумберт. Мягкие, розовые. Руки паразита. Вчера на орбите Келара мы выпиливали плазменный реактор из подбитого эсминца. Мой сортировщик не успел отскочить от выброса прометия. Теперь у меня есть вакансия.

— Вы не посмеете! — взвизгнул я, теряя остатки достоинства. — Это киднеппинг! Это пиратство! Инквизиция...

Вольф Ларен рассмеялся — холодно, отрывисто. — Инквизиция сейчас занята тем, что гоняется за собственным хвостом на другом конце субсектора. А мы — стервятники, Гумберт. Мы питаемся тем, что Инквизиция не доела. И прямо сейчас ты — мой утиль. Ты будешь работать. Или я выброшу тебя в шлюз, чтобы не тратить на тебя паек синтетической каши. Жизнь — это закваска, мистер ван Вейлен. Она бродит, жрет сама себя и пытается выжить. Докажи, что ты способен бродить.

Он отпустил меня и повернулся к тощему матросу с вбитым глазом. — Мадж!

Из-за горы искореженного металла вынырнуло существо, напоминавшее помесь человека и гигантской крысы. Весь в саже, с гнилыми зубами и ржавым цепным тесаком на поясе.

— Слушаю, кэп! — прохрипел Мадж, подобострастно горбясь. — Забирай этого аристократа в третий трюм. Пусть счищает запекшуюся кровь и нагар с бронеплит, которые мы срезаем с орочьего круизера. И если он остановится хоть на минуту...

Ларсен бросил на меня взгляд через плечо. — ...отрежь ему палец. Для начала.

Мадж плотоядно ослабил и схватил меня за воротник своей грязной, клешнеобразной рукой. — Пошли, Ваше Благородие. Посмотрим, какого цвета кровь у Администратума.

Я смотрел в спину удаляющегося Вольфа Ларена и понимал, что мой уютный мир мертв. Вселенная не услышала моих молитв. Вместо Бога она послала мне Дьявола, и этот Дьявол только что выдал мне скребок для ржавчины.

Глава 3

Глава 3: Гайки и кровь

Третий трюм «Призрака» был местом, где умирала надежда и начиналась промышленная мясорубка.

Если верхние палубы корабля Вольфа Ларена напоминали логовище сумасшедшего техно-хищника, то владения Томаса Маджа были гнойным кишечником этого чудовища. Здесь сортировка краденого археотека происходила в двух шагах от камбуза. Вдоль левого борта тянулись котлы, в которых булькало серое месиво — синтетическая белковая каша, щедро приправленная трупным крахмалом. Вдоль правого возвышались горы искореженного металла: вскрытые переборки, выдранные с мясом катушки когитаторов, путаница проводов, истекающих техническими жидкостями.

И над всем этим царил запах. Густой, маслянистый смрад, состоящий из дешевого прометия, запекшейся крови, немытых тел и горелой проводки. Мой желудок, привыкший к паштетам из печени грокса, сжался в болезненный комок.

Мадж бросил меня на рифленый пол прямо у кучи бронеплит, срезанных с подбитого орочьего корабля.

— Слушай сюда, Ваше Благородие, — прохрипел кок. Его единственный живой глаз безумно вращался, а аугментированный объектив механически жужжал, фокусируясь на моем бархатном камзоле. — Здесь тебе не библиотека Администратума. Капитан отдал тебя мне. Ты теперь мой личный мусорный сервитор. И звать тебя будут... Кэмп.

— Мое имя Гумберт, — процедил я, пытаюсь подняться, но сапог кока тяжело опустился мне на грудь, впечатывая обратно в грязь.

— Слишком много букв для куска мяса. Ты сутулишься, как мутант из сточного коллектора. Значит, будешь Кэмп. Горбун.

Он пнул ногой кучу орочьего лома. Зеленоватая, похожая на грибковую плесень слизь покрывала искореженный металл. — Кровь зеленокожих. Она въедается в пласталь похлеще кислоты. Барыги на черном рынке не берут грязный товар. Твоя задача: отскоблить эту дрянь до блеска. А потом рассортировать вон те силовые кабели. И если я найду хоть пятнышко...

Магридж выхватил свой ржавый цепной тесак и нажал на гашетку. Зубья с визгом вернулись, разбрызгивая капли старого масла. — ...я пушу твои нежные ручки на фарш для вечерней похлебки. Инструменты в ящике. Живо!

Он отвернулся к своим котлам, насвистывая какой-то похабный мотивчик из Подулья.

Я остался один на один с горой железа. Из ящика я извлек тяжелый металлический шабер и пару защитных перчаток. Перчатки были дырявыми, прожженными плазмой и воняли кем-то, кто, вероятно, умер в них пару недель назад.

Я посмотрел на свои руки. Безупречный маникюр. Тонкие, длинные пальцы, созданные для того, чтобы бережно переворачивать страницы фолиантов тысячелетней давности. Я вспомнил теорему Соломона о главенстве разума над материей.

Теорема Соломона здесь не работала. Здесь работали только гайки, боль и животный страх.

Я натянул вонючие перчатки, взял шабер и подошел к первой бронеплите. Она весила килограммов сорок. Мне пришлось упереться ногами в палубу и стиснуть зубы, чтобы просто перевернуть ее.

Монтаж реальности. **Вжик.** Скребок с мерзким визгом вгрызается в засохшую орочью слизь. Воняет аммиаком и гнилой капустой. **Скрежет.** Лезвие соскальзывает с пластали. Инерция бросает меня вперед. Я сдираю костяшки пальцев о зазубренный край. **Удар.** Мадж проходит мимо и ради забавы бьет меня половником по затылку. «Шевелись, слизень!»

Через два часа мой бархатный камзол превратился в тяжелую, пропитанную потом и мазутом тряпку. Я задыхался. Мышцы спины, никогда не знавшие ничего тяжелее легкого поклона, кричали от спазмов. Ладони горели так, словно я держал голые провода под напряжением.

К четвертому часу волдыри на руках лопнули. Кровь пропитала изнанку перчаток, смешиваясь с едкой пылью. Каждый взмах скребком был пыткой. Я плакал. Я, Гумберт ван Вейден, наследник благородной фамилии, стоял на коленях в машинном масле, глотал грязные слезы и скоблил дермо ксеносов ради того, чтобы пиратский кок не отрезал мне пальцы.

Изящная словесность? Философия? Культура? Всё это оказалось лишь тонкой, хрупкой пленкой на поверхности первобытного океана. В экстремальных условиях цивилизованный человек слетает с катушек быстрее, чем сгорает предохранитель. Под этой пленкой нет ничего, кроме скулящего зверя, который хочет жить.

— Эй, Кэмп! Жрать!

К моим ногам с металлическим лязгом приземлилась помятая миска. В ней плескалось серое, маслянистое варево. Пахло горелой проводкой и старым жиром.

— Можешь не благодарить, аристократ, — осклабился Мадж, вытирая грязные руки о не менее грязный фартук. — Специально для тебя отложил кусок с хрящиком.

Мой желудок скрутило судорогой отвращения. — Я не буду это есть, — прохрипел я. Голос сел от едкой пыли. — Это помои.

Магридж подошел вплотную. От него разило гнилью и дешевым алкоголем. Он наклонился так близко, что я увидел каждый полопнувший сосуд в его уцелевшем глазу. — Не будешь? — ласково прошипел он. — Ну и отлично. Значит, сдохнешь. Здесь нет сервиторов, которые будут запихивать в тебя деликатесы. Ты кусок мяса, Кэмп. Мясо должно жрать, чтобы махать скребком. Не жрешь — не работаешь. Не работаешь — летишь в шлюз.

Он резко пнул миску. Серая жижа разлетелась по палубе, забрызгав мои ноги.

— Вылижи это с пола, — приказал Мадж. Я замер. Мой разум вспыхнул от гнева, но тело было парализовано страхом. — Я сказал, слизывай, ублюдок! — он замахнулся цепным тесаком.

Моя гордость боролась с инстинктом выживания ровно секунду. А затем я опустился на четвереньки. Мои дрожащие, окровавленные пальцы скользнули по грязной палубе, собирая серую кашу. Я отправил это в рот. Вкус был омерзительным — вкус железа, синтетики и унижения.

Мадж расхохотался. Его смех эхом отскакивал от стальных переборок трюма. — Вот так! Молодец, песик! Добро пожаловать на дно!

Он развернулся и пошел обратно к своим котлам, потеряв ко мне интерес.

Я остался на коленях. Каша камнем упала в желудок. Но вместе с отвращением и вкусом машинного масла во мне начало подниматься нечто иное. Темное, горячее, первобытное.

Я посмотрел на свои изрезанные, дрожащие руки. На сбитые костяшки. На кровь, смешивающуюся с ржавчиной. Я посмотрел на сторбленную спину Томаса Маджа.

Всего несколько часов назад я был человеком, который упал бы в обморок от вида крови. Сейчас я поймал себя на мысли, что мысленно измеряю расстояние до шеи кока и прикидываю, насколько глубоко в нее сможет войти мой заточенный шабер.

Капитан Вольф Ларен был прав. Жизнь — это закваска. И моя только что начала бродить.

Глава 4

Глава 4: Философия ржавчины

Через три цикла по корабельному времени я перестал чувствовать запах. Мои обонятельные рецепторы просто сдались, капитулировав перед смесью гниющего белка, озона и машинного пота. Моя спина превратилась в один сплошной синяк, а руки загрубели, покрывшись толстой, нечувствительной коркой мозолей, под которой пульсировала тупая боль. Я стал винтиком. Мелкой, грязной шестеренкой в механизме «Призрака».

А потом лягнул интерком.

Голос с капитанского мостика, искаженный статикой, прорезал гул вентиляторов: — Кэмп. Наверх. Живо.

Мадж, как раз собиравшийся пнуть меня за недостаточно расторопную сортировку медных жил, разочарованно сплюнул на палубу. — Шевели костями, горбун. Капитан не любит ждать.

Каюта Вольфа Ларена располагалась в надстройке, сразу за бронированным мостиком. Когда тяжелые двери с шипением разошлись в стороны, я инстинктивно зажмурился. Не от яркого света, а от контраста.

Это была не каюта мародера. Это была берлога безумного аристократа, ограбившего музей.

Пол устилал толстый вольчий мех с какой-то ледяной планеты. Стены были затянуты темным бархатом, на котором, словно трофеи, висели куски изящной ксено-брони, старинное дуэльное оружие и картины в тяжелых рамах — явно срезанные с переборок имперских флагманов. Но больше всего здесь было книг. Настоящих, бумажных, переплетенных в кожу фолиантов, которые стояли целые состояния. Они громоздились на столах из красного дерева, соседствуя с разобранными плазменными пистолетами и грязными кружками.

Ларен сидел в глубоком кресле, закинув ноги в тяжелых ботинках прямо на инкрустированный золотом стол. В одной руке он держал хрустальный бокал, в другой — древнюю инфопластину. При моем появлении он не шелохнулся. Лишь перевел на меня свой холодный, пронизывающий взгляд.

— Выглядишь паршиво, Кэмп, — констатировал он.

— Я работаю в аду, капитан, — хрипло ответил я.

— Ад — это место, где горят души. У нас тут душ нет. Только физика и термодинамика. Садись.

Я рухнул в предложенное кресло. Оно было мягким. Невыносимо мягким. Мое избитое тело застонало от удовольствия, и это напугало меня больше, чем угрозы Маджа. Ларен толкнул по столу в мою сторону второй бокал и бутылку амасека. Тот самый сорт, что я пил на «Святой Друзилле» перед крушением.

— Пей. Тебе понадобится ясный ум.

Мои грязные, покрытые коркой запекшейся крови и машинного масла пальцы сомкнулись на тонком хрустале. Я залпом влил в себя янтарную жидкость. Алкоголь обжег горло, рассыпаясь по венам спасительным теплом.

Ларен бросил мне на колени небольшую, тускло мерцающую пирамидку. Инфо-кристалл.

— Мы срезали это с когитаторного узла того инквизиторского фрегата, который болтался на орбите Сциллы. Мои сервиторы-взломщики сломали зубы об шифры. Но это старый код. Высокий Готик, диалект терранской аристократии. Твой профиль, Кэмп. Читай.

Я покрутил кристалл в руках. Знакомая тяжесть информации. Мой мозг, измученный отупляющей физической работой, жадно вцепился в задачу. Я прикрыл глаза, активируя сенсорные руны на гранях пирамидки.

— Это... это логистический отчет. Бортовой журнал. Сектор Обскурус. Планетарная десятина...

— Дальше, — приказал Ларен, закуривая толстую сигару. Дым с ароматом пряностей поплыл по каюте.

— Зачистка улья Прайм. Они сожгли три миллиарда человек из-за подозрения в мутациях... Инквизитор запросил... Император милосердный... он запросил компенсацию расходов на прометий у Администратума! Три миллиарда жизней, а их волнует только стоимость топлива для огнеметов!

Я поднял взгляд на капитана. Меня трясло. Не от страха, а от внезапного экзистенциального ужаса.

Ларен выпустил кольцо дыма и усмехнулся.

— Тебя это шокирует, архивариус? Тебя, человека, который всю жизнь перекладывал бумажки с цифрами потерь, удивляет математика Империиумов?

— Это... это бесчеловечно. Это нарушение всех догматов Экклезиархии! В каждом человеке есть искра Императора...

— Заткнись, Кэмп, — Ларен сказал это тихо, но в его голосе лязгнула сталь. — Не оскорбляй мой интеллект сказками для сервиторов. Никакой искры нет.

Он встал, возвышаясь надо мной, как хищник над подранком.

— Император мертв, Кэмп. Он — гниющий труп на Золотом Троне, который жрет души псайкеров, чтобы поддерживать иллюзию порядка. А Империиум — это гигантская, раздутая туша, болтающаяся в вакууме. Жизнь — это просто биомасса, которая потребляет другую биомассу. Это закваска. Она бродит, жрет, размножается и сдыхает.

Ларен подошел к обзорному иллюминатору. За бронестеклом медленно проплывал остов уничтоженного линкора.

— Механикус с Марса молятся шестеренкам. Они поливают плазменные двигатели священными маслами и поют псалмы, надеясь, что дух машины соизволит работать. Идиоты. — Ларен сплюнул на пол. — Машина работает не из-за молитв. Она работает, потому что есть давление, сопротивление материалов и термоядерная реакция. Я презираю их веру. Для меня любой священный артефакт — это просто кусок дорогого металла. И знаешь что, Кэмп?

Он резко повернулся ко мне. В его глазах горел лихорадочный, фанатичный свет чистого разума. — В этой вселенной лицемеров мы, мародеры, стервятники — единственные честные существа. Мы не прячемся за высокими идеалами. Мы видим труп и едим его. Мы — трупные черви. А червь не лжет себе о своей природе. Он делает то, что должен. Мы выпиливаем плазму, сдираем золото с алтарей и продаем это, чтобы купить еду и топливо. Это честно. Это чистая эволюция.

Монтаж. Ларен бьет кулаком по столу. Бокалы звенят. Я вжимаюсь в кресло, чувствуя себя раздавленным насекомым. Сигара в зубах капитана тлеет, освещая его резкие скулы красным.

— Этот кристалл, — Ларен ткнул пальцем в пирамидку в моих руках. — Ты видишь в нем три миллиарда мертвецов и сожженный прометий. Я вижу в нем пароли от тайников Инквизиции на Каликсиде. Эта блестящая безделушка стоит пятьдесят тысяч тронов на черном рынке Подулья. За нее я могу купить новый грави-двигатель и сто бочек чистого спирта.

Я смотрел на Вольфа Ларена и чувствовал, как рушится мой мир. Я ожидал увидеть в капитане пиратов тупого, кровожадного дикаря. Но передо мной стоял гений. Чудовищный, аморальный, но абсолютно логичный в своей жестокости. Он препарировал саму суть бытия, обнажая её уродливый, механический скелет.

— Вы сумасшедший, — прошептал я.

— Я реалист, Кэмп, — Ларен вернулся в кресло и налил себе еще амасека. — А вот ты — слепец, который только начал прозревать. Твои книги научили тебя красивым словам, но

не научили выживать. Я научу. Или ты сдохнешь. А теперь расшифруй мне остальные файлы. И если найдешь координаты оружейных схронов — я, так и быть, прикажу Маджу дать тебе кусок мяса без трупного крахмала.

Я опустил взгляд на инфо-кристалл. Мои изрезанные пальцы легли на сенсорные руны. Я презирал его. Я ненавидел всё, что он сказал. Но мой желудок предательски заурчал при мысли о настоящем мясе. И в этот момент я понял, что Вольф Ларсен был прав. Закваска начала бродить. Я начал жрать.

Глава 5

Глава 5: Опасный лом

Я больше не был Гумбертом ван Вейденом. Даже в моих собственных мыслях это имя звучало как эхо из другой, давно вымершей эпохи. Я был Кэмп. Тварь в мазуте, с руками-крюками, выучившая только одну молитву: «Император, дай мне сил поднять этот кусок металла». И эту молитву не слышали.

«Призрак» висел на орбите вокруг гигантского остова орочьего крузера, который Ларен ласково называл «Череподробилкой». Крейсер был размером с город-улей, разодранный в клочья, но в его чреве еще теплились опасные остатки орочьей «техномагии». Ларен, воодушевленный координатами из инквизиторского инфо-кристалла, решил дербанить «Череподробилку», пока не нагрянули патрули.

В тот цикл мы работали в трюме орочьего судна, возле его главной орудийной палубы. Наша задача была проста, как все орочьи планы: выпилить из-под главной пушки гигантский поршень силовой передачи, который по каким-то причинам был сделан из цельного куска благородного адамантия. Магридж, шатаясь от дешевого амасека, контролировал процесс, попутно попинывая меня. С нами был Йохан, тот, что с аугментированным глазом, и еще парочка безымянных матросов.

– Эй, Кэмп! – прохрипел Магридж. – Хватай этот трос и цепляй за основание! Да не так, ты, выкидывай книжной полки! Снизу!

Орочьи технологии – это хаос, воплощенный в железе. Силовые кабели, толщиной в мою руку, переплетались с проводами, которые казались живыми. Всё было грязным, ржавым и воняло зеленокожими тварями.

Мы закрепили грави-трос и Ларсен с «Призрака» начал тянуть. Поршень заскрежетал, но не шелохнулся.

Монтаж реальности: Йохан: «Кабель силовой цепи... он... искрит». Я: «Он всегда искрит». Орочьа силовая матрица: Н-и-и-з-к-и-й г-у-л.

Вдруг, какая-то тяжелая балка в основании орудия сорвалась и рухнула вниз, перебив несколько орочьих кабелей. Цепь событий запустилась.

Вжик. Скрежет. Удар.

По всем уцелевшим цепям прошел разряд. Орочий «Череподробилка», казалось, задохнулся, а потом его орудия, которые мы считали мертвыми, начали медленно поворачиваться. Силовая матрица, потревоженная нашим вмешательством, активировала аварийный протокол зачистки.

– Хана! – завопил Йохан. – Она... она поворачивается!

Огромный ствол главной пушки, размером с многоэтажный дом, начал медленно, со скрипом, разворачиваться в нашу сторону. Низкий гул перерос в зловещий, пульсирующий вой. Орочьа пушка готовилась выстрелить в упор в своих мародеров.

– Бежим! – крикнул я.

Я был самым дальним от аварийного люка, Мадж – ближе всех. Когда мы оба рванулись к выходу, Мадж, этот *rat-fink*, трус, в чьих глазах не было ничего, кроме страха за свою шкуру, вместо того чтобы просто бежать, сделал то, что окончательно подтвердило философию Вольфа Ларена.

Он резко затормозил, развернулся и со всей силы, наотмашь, ударил меня по лицу. А затем, используя инерцию, толкнул меня прямо в сторону, преграждая мне путь к люку, а сам, воспользовавшись моментом, проскочил в проем.

– Сдыхай, Кэмп! – услышал я его последний вопль, прежде чем он захлопнул люк с той стороны.

Я оказался заперт. Один в трюме, перед медленно поворачивающимся стволом гигантской орочьей пушки. Дуло было похоже на разверстную пасть монстра. Пульсация энергии стала невыносимой. Вой стал ультразвуковым.

Это финал. Слоумо. Дуло пушки... накаляется... Энергия... накапливается... Мой взгляд... на закрытый люк... на мои руки... Вспышка.

Не последовало полного выстрела. Пушка была повреждена. Но massive energy discharge, несанкционированный сброс плазмы, вырвался из дула. Не в мою сторону, а на панель управления позади меня.

Вспышка была ослепительной. Меня швырнуло в воздух, как тряпичную куклу. Я летел, а вокруг меня разлетались обломки палубы и искры. Я больно ударился о переборку и рухнул в кучу какого-то хлама. Глухой взрыв потряс орочий корабль.

Потом наступила тишина. Мои уши звенели. Темнота.

Я лежал, придавленный куском орочьей брони. Моя спина кричала от боли. Я не мог пошевелиться. В темноте я слышал хриплое дыхание – мое собственное. Мадж подставил меня. Он хотел, чтобы я умер. Это была не случайность, это был план. План для выживания сильнейшего. И он, самый мерзкий и слабый, выжил.

Гребаный натурализм. Голод и боль – это честно. Коварство – это тоже честно. Мадж – это хищник. Я – это мясо. Это истина, которую Вольф Ларен пытался мне вдолбить. Я понял её только сейчас. Моя закваска не просто бродит, она закаляется в огне.

В темноте я нащупал рукой какой-то острый кусок металла. Заостренный скребок для ржавчины. Мои пальцы, мои нежные, окровавленные пальцы, сомкнулись на рукояти. Я больше не был мясом. Я был Кэмп, и у меня был заточенный шабер. Волк только что стал опасным.

Глава 6

Глава 6: Цена стали

Тьма в чреве орочьего «Череподробилки» была абсолютной, тяжелой, как свинец, и пахла озонем, старой гарью и грибковыми спорами зеленокожих. Я лежал, прижатый к холодной палубе куском бронеплиты. Боль в спине была острой, пульсирующей, но она была доказательством того, что я еще жив. Плазменный выброс прошел мимо, лишь опалив меня и разрушив пульта управления.

Я был один. Заперт. Предан.

В этой черноте, лишенный зрения, я впервые по-настоящему увидел мир, который описывал Вольф Ларен. Без прикрас, без метафор. Это был мир, где единственной валютой была сила, а единственным законом — выживание. Я, Гумберт ван Вейден, аристократ с тонкими пальцами, умер там, у закрытого люка. Тот, кто дышал сейчас в темноте, был Кэмп. Тварь, которая научилась ненавидеть.

Рука, дрожащая от адреналина и боли, по-прежнему сжимала заточенный скребок. Мой первый инструмент. Мое первое оружие.

Я должен был выбраться. Не ради Императора, не ради семьи. Ради того, чтобы посмотреть в единственный живой глаз Томаса Маджа, когда мой скребок войдет в его гнилое горло. Эта мысль дала мне силы.

Мышцы, закаленные неделями адского труда в трюме, напряглись. Превозмогая крик боли в позвоночнике, я уперся ногами в неровную палубу и толкнул бронеплиту. Она сдвинулась на сантиметр со скрежетом, который показался мне оглушительным. Еще толчок. Еще. Я полз, извиваясь, как червь, пока не вырвался из-под завала.

Я наощупь добрался до люка. Заперт снаружи. Мадж.

Я не стал стучать. Я сел у переборки, сжимая заточку, и стал ждать. Я знал, что Ларсен не оставит добычу. Стервятники вернутся за алмазным поршнем. И они вернутся за моим трупом, чтобы снять с него обувь.

Прошло вечность или несколько минут. Послышался скрежет с той стороны люка. Тяжелые затворы пришли в движение. Люк распахнулся, и в лицо ударил свет галогеновых фонарей.

— ...и снимите с него сапоги, Йохан, они почти новые... — донесся голос Маджа, который шел впереди, держа наготове свой цепной тесак.

Он замер в проеме. Фонарь в его руке выхватил меня из тьмы. Я сидел на корточках, весь в саже, с окровавленными руками, сжимая скребок, и улыбался. Это была не улыбка цивилизованного человека. Это был оскал.

Кадр первый: Глаз Маджа расширяется. Трусость борется с жестокостью. Кадр второй: Мой прыжок. Без крика, без предупреждения. Просто полет ярости. Кадр третий: Цепной тесак кока визжит, приходя в движение. Слишком поздно.

Я врезался в него, сбивая с ног. Мы рухнули на палубу в проходе. Фонарь отлетел в сторону, погружая нас в пляшущие тени. Мадж был жирным, но сильным уродцем, привыкшим к дракам в подворотнях Подулья. Он перехватил мою руку со скребком, его вонючее дыхание ударило мне в лицо.

— Ублюдок! — прохрипел он, пытаясь достать меня тесаком. Зубья цепи вращались в сантиметрах от моего уха, разбрызгивая масло.

Я ударил его головой в лицо. Раздался хруст ломаемого носа. Магридж взвыл, его хватка ослабла. Я вырвал руку и нанес удар скребком. Не в горло — я промахнулся в темноте. Заточка вошла ему в плечо.

Йохан и остальные матросы стояли в стороне, освещая нас фонарями. Никто не вмешался. На «Призраке» не мешали драке. На ней зарабатывали.

Быстрый диалог на заднем плане. Матрос 1: «Ставлю пять пайков на кока! У него тесак!» Йохан: «Принимаю! Кэмп озверел, он его загрызет!»

Мы катались по палубе среди орочьего мусора. Мадж, ослепленный бьющей из носа кровью, отчаянно махал тесаком, заставляя меня отпрянуть. Мой скребок выпал в темноту. Я остался безоружным.

Кок почувствовал преимущество. Он поднялся на колени, тяжело дыша, и замахнулся цепным мечом для финального удара. — Конiec тебе, аристократ!

Моя рука скользнула по палубе, нащупывая что-нибудь, чем можно защититься. Пальцы сомкнулись на чем-то гладком, холодном и невероятно остром. Обломок ксено-конструкции. Эльдарская кость, острая, как мономолекулярный клинок, и твердая, как адамантий.

Я не думал. Действовал инстинкт, выкованный холодом пустоты.

Я перекатился, уходя от удара тесака, который выбил снопы искр из палубы. И с размаху вогнал эльдарский обломок снизу вверх. Не в тело. В руку.

В ту самую грязную, клешнеобразную руку, которой он бил меня, которой он толкал меня во тьму, которой он сейчас сжимал рукоять тесака.

Острая ксено-кость прошла сквозь ладонь Магриджа, между костями запястья, и пригвоздила его руку к деревянной рукояти его собственного цепного меча.

Крик кока разорвал тишину орочьего корабля. Это был визг свиньи на бойне. Тесак выпал из его обездвиженной руки, визжащие зубья затихли. Он рухнул на палубу, прижимая к груди пробитую руку, из которой хлестала темная кровь.

Я поднялся на ноги. Меня трясло, сердце колотилось в горле, во рту был вкус железа и пороха. Я посмотрел вниз на скулящего Маджа. Во мне не было жалости. Только холодное, хищное удовлетворение.

Я сделал шаг вперед, готовый добить его обломком эльдарской кости, который вытащил из его руки.

В этот момент толпа матросов расступилась. Из темноты коридора вышел Вольф Ларен.

Он стоял, скрестив мощные руки на груди, и наблюдал за сценой. На его лице не было ни удивления, ни гнева. Только спокойное, почти научное любопытство. Он посмотрел на окровавленного Маджа, потом на меня, на зажатый в моей руке окровавленный кусок ксено-кости.

Ларен медленно, тяжело опустил ладони и начал аплодировать. Глухие, размеренные хлопки прозвучали как погребальный звон по моей прошлой жизни.

— Bravo, Кэмп. Просто bravo, — произнес Ларен. Его голос был ровным, без единой эмоции. — Я знал, что в тебе есть закваска. Но я не ожидал, что она забродит так быстро и так... качественно.

Он подошел ближе, переступая через скулящего кока. — Ты заплатил цену стали, Кэмп. Ты понял, что твои моральные принципы — это роскошь, которую ты не можешь себе позволить в пустоте. Ты выбрал жизнь. Ты выбрал силу. Ты стал хищником.

Ларен повернулся к Йохану. — Оттащите Маджа в лазарет. Пусть Механикус-рenegат зашьет его. Нам по-прежнему нужен кок, даже однорукый. А его тесак...

Ларен посмотрел на меня. — ...теперь принадлежит Кэмпу.

Он протянул руку и забрал у меня обломок эльдарской кости, внимательно осматривая его. — Хороший кусок призрачной кости. Острый. Как твой новый ум.

Ларен посмотрел мне прямо в глаза, и я увидел в них отражение самого себя. Сурового, грязного, выжившего. — Ты больше не просто утиль, Кэмп. Ты — часть команды. Завтра ты идешь на абордаж вместе с штурмовой группой. Увидим, как ты справишься с настоящими врагами, а не с трусливым коком.

Я молча взял протянутый Йоханом цепной тесак Маджа. Тяжелый. Ржавый. Настоящий.

Я посмотрел на Ларена. Я ненавидел его. Я презирал его философию. Но я знал, что он прав. Я выжил благодаря ему. И чтобы выжить дальше, мне придется стать еще более жестоким, чем он сам.

Цена стали была высока, но я был готов её платить. Потому что альтернативой была смерть во тьме.

Глава 7

Глава 7: Хищники пустоты

Утро на «Призраке» не наступало. Здесь не было рассветов, только циклическая смена освещения с тускло-красного ночного на слепяще-белое дневное. Но для меня, Кэмп, время теперь измерялось не светом, а болью в мышцах и ритмичным визгом цепного тесака Маджа, который я теперь точил каждый цикл.

Я больше не принадлежал камбузу. Ларен, сдержав слово, перевел меня в штурмовую группу. Моим новым домом стал кубрик на второй палубе, где пахло не гнилой кашей, а оружейным маслом, дешевым стимулятором и жженым пластиком. Здесь жили «охотники» — те, кто высаживался на мертвые корабли, резал броню и убивал всё, что отказывалось умирать добровольно.

Мои руки изменились. Нежные, аристократические пальцы превратились в узловатые, покрытые шрамами клешни, способные часами сжимать рукоять лазгана или плазменного резака. Кожа на ладонях стала твердой, как дубленая шкура грокса. Вместе с мозолями на руках нарастала мозоль и на душе. Я научился не смотреть в глаза тем, кого мы оббирали. Мертвецы не нуждаются в сочувствии, им нужны только погребальные костры, которых в пустоте не зажигают.

Кадр 1: Я застегиваю грязный, тяжелый комбинезон штурмовика. Он пахнет потом десяти предыдущих владельцев, которые, вероятно, сдохли. Кадр 2: Йохан, тот самый с аугментированным глазом (который, как выяснилось, был украден с подбитого эсминца Механикус), швыряет мне кислородную маску. «Проверь клапан, Кэмп, или твои легкие вылетят наружу быстрее, чем ты скажешь "Император"». Кадр 3: Я проверяю заряд лазгана. Щелк. Полный. Кадр 4: Рука ложится на рукоять тесака Маджа. Вжжж-вжжж. Зубья вращаются исправно. Это звук моей новой жизни.

Ларен вывел «Призрак» из варпа в систему, которая была похожа на поле битвы древних богов. Гравитационные колодцы разорванных планет, облака замороженного газа и тысячи, десятки тысяч обломков кораблей. Это было Кладбище Кораблей в секторе Каликсида. Самое богатое и самое опасное место для стервятников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.